

тичной поэзии заключается и в силлабо-тоническом принципе. В первом «Способе» он подчеркивает просодические различия русского и древних языков. Во втором об этом также идет речь: «Греческое и Римское Количество слогов протягает и сокращает слоги; а наше возвышает и понижает оные». ¹¹² Несмотря на это, для обеих поэтических систем он употребляет основное понятие «количество», причем во втором «Способе» находит уместным объяснить это специальным примечанием. ¹¹³ Теперь со спокойной совестью он может продолжать разговор о «количественном» принципе русского стиха и подчеркивать его предполагаемое родство с античностью.

Подхожу к заключению. Своими реформаторскими стараниями Тредиаковский стремится с помощью меняющихся союзников противопоставить новый русский стих западноевропейским образцам. Опора на хорватскую поэзию оказалась малоперспективной — от нее пришлось отказаться. Что касается русского народного стиха, то Тредиаковский вынужден был полемизировать с теми, кто презирал его, ¹¹⁴ — в его время такое родство скорее компрометировало, чем утверждало в ценности. Твердой опорой стала лишь античность. Только в союзе с нею Россия могла убедительно противостоять Западной Европе. Поэтому для Тредиаковского идея славянского единства была лишь эпизодом.

Однако следует отметить, что даже в своем отношении к античности Тредиаковский следует западноевропейскому образцу — он как бы с опозданием включается в спор «древних и новых». В ранние годы его позиция в этом отношении еще индифферентна. В «Эпистоле <...> к Аполлину» в качестве литературных образцов равно приводятся как «новые», так и «древние»: Кино и Ж.-Б. Руссо, Скаррон и Буало, классиком эклоги на следующих страницах назван поимено Феокрита и Вергилия Фонтенель, как тот, кто «поправил <...> весьма достойно эклогу» ¹¹⁵ (именно Фонтенель в свое время вызывал ярость «древних» тем, что подтрунивал над античной традицией жанра. ¹¹⁶ Готовность раннего Тредиаковского признавать и «новых» авторов, объясняется тем, что в данном отношении он ничем не был связан. ¹¹⁷ Во втором «Способе» возникает другая картина: Тредиаковский предстает здесь как русский «древний».

Нельзя, однако, не заметить принципиального различия в позициях европейских «древних». Когда французские «древние» настаивали на образцовости классической античности, у них шла речь

¹¹² Там же. Т. I. С. 129.

¹¹³ Там же. С. 128.

¹¹⁴ Тредиаковский В. К. Мнение о начале // Тредиаковский В. К. Стихотворения. С. 412 (примеч.).

¹¹⁵ Тредиаковский В. К. Избр. произведения. С. 391. 418.

¹¹⁶ Klein J. Die Schäferdichtung des russischen Klassizismus. Wiesbaden, 1988. S. 35.

¹¹⁷ Иного мнения Л. В. Пумпянский (см.: Пумпянский Л. В. Тредиаковский и немецкая школа разума. С. 157). Ср.: Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII вв. С. 239, 271—273 (примеч. 31а); Живов В. М. Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVII—начала XIX века. С. 186 (примеч. 20); Klein J. Die Schäferdichtung des russischen Klassizismus. S. 37.